Уроки черчения

Вижу тебя, золотое сечение —
мытарств моих поперечный разрез.
Вся моя жизнь — обстоятельств стечение
и обязательств надуманных пресс.

Строгим весьма был Учитель Черчения,
не беспричинно меня попрекал...
Знать, оттого моей жизни течение —
контур по граням шаблонных лекал.

Мной нарушались каноны черчения —
Линч над собою чиню до сих пор...
Пустопорожни о прошлом речения,
как и банален о нынешнем ор.

Жить на Земле, несомненно, фантастика
И не беда, что грешил транспортир.
Мне не найти подходящего ластика —
ватман судьбы поистёрся до дыр.

Этюд № 4

Опять не получается закат,
очередной испорчен подмалёвок.
Набросок без страстей — из недомолвок —
не поэтичен, а аляповат.

Быть может, про закат писать не след,
Сарьян не стал слепым от солнцепёка…
Взывать к сочувствию — банальна подоплёка
псевдомытарств, а не жестоких бед.

А может в пику, обессмертить ночь,
подобно академику Куинджи…
Но туба с охрой оказалась ближе,
на время сажу убираю прочь.

Этюд № 5

Настал октябрь… Светла Покрова гжель,
хотя не вся земля покрыта снегом.
Повсюду — серо-грязная пастель,
и паберега не бела́, а пега.

Местами смачно чавкает мокреть —
зима пришла, но злобствует вполсилы.
Ещё не срок России околеть,
не тот мороз, чтоб околеть России.

Пользителен мне тутошний мороз,
ведь я чалдон кержацкого подмеса…
До мая не услышу грозных гроз.
Опустошённо, серо и белесо.

Хотя я жизнь обворовал как тать —
в сухом остатке ямбы да хореи,
но на душе — покой и благодать,
до Братска не дошли ещё бореи.

Мгновение хочу запечатлеть
без вычура ненатуральных красок,
не будоража колокола медь,
не надрывая беспричинно связок.

Сиюминутность эту сохранить,
не расчленять на «будет» и на «было».
Сучить словес рифмованную нить…
Я не звонарь, а мой язык — не било.

Озноб

Устав от гнёта городских хвороб,
вхожу с моста в посёлок Постоянный,
и его облик, в целом деревянный,
ввергает в неожиданный озноб.

Топчу трещиноватый тротуар,
о гачи бьются стебли иван-чая.
Знакомые приметы привечаю
и открываю старый портсигар.

С крыльца взирает местный рыжий кот —
он служит понятым у лукоморья.
Преодолев посёлочное взгорье,
ищу полузабытый поворот.

Ещё чуть-чуть — и вот он, отчий дом…
Заменена на новую ограда…
А облик незабвенного фасада
такой же, как и в семьдесят шестом.

Транжира времени и юношества мот
не разорвал с двадцатым веком звенья:
реальным показалось наважденье —
на ужин меня матушка зовёт.

Хозяев нет. В дверях другой замок.
Из-под стрехи вспорхнула ввысь синица
Былого перевернута страница,
заученная мною назубок.

Разность потенциалов

Ах ты, совесть моя, диссидентка!
Слышу твой протестующий глас —
вопиешь из сердечных застенков.
Чем тебя огорчил в этот раз?

Укоряешь меня и перечишь:
то не эдак и это не так.
О свободе не может быть речи,
жизнь моя — настоящий ГУЛАГ.

Велика разность потенциалов
между льзя и полярным нельзя.
Как бы совесть не уничижала,
с ней, похоже, ровнее стезя.

Но пока не причислены к ретро,
не настиг нас последний недуг,
пусть зашкалят все разом вольтметры
от накала тех вольтовых дуг.

* * *

Настало времечко итожить…
Влюблялся чаще, чем любил.
То без причин себя треножил,
то истощался сердца пыл.

Не сожалею ни на йоту,
себя не буду яро клясть —
любовь не превращал в работу,
когда повелевала страсть.

Как будто собраны все камни
и белых нет в шкафу одежд,
но не закрыты ещё ставни
для всех несбывшихся надежд.